II

Марк Жуков

«Остановка» - 2 часть.

«Автор»
2026

Жуков М. Н.

«Остановка» - 2 часть. / М. Н. Жуков — «Автор», 2026

Роман о первой любви, боли, воспоминаниях и праве быть услышанной.У каждой истории есть две стороны. И иногда то, что кажется очевидным одному человеку, совершенно иначе выглядит для другого.Дженна и Стив прошли путь от случайного знакомства до большой любви. Но за счастливыми моментами скрывалось многое из того, о чём Дженна не решалась говорить.Ревность, страх и взаимная гордость отдалили её от любимого человека. Три месяца молчания заставили Дженну разобраться в себе и своих чувствах.Вторая часть «Остановки» — знакомая история, рассказанная с другой стороны. История Дженны, её переживаний и воспоминаний, которые Стив мог так и не понять.Ведь иногда, чтобы услышать друг друга, недостаточно просто вернуться. Нужно наконец увидеть мир глазами другого человека.

© Жуков М. Н., 2026
© Автор, 2026

Марк Жуков
«Остановка» - 2 часть.

ОСТАНОВКА
Роман о первой любви, гордости и втором шансе
Повествование от лица Дженны
Жуков Марк Николаевич
2026

Глава 1
Свободное место

Первого сентября я пришла в университет за сорок минут до начала и всё равно едва не опоздала. Двадцать минут просидела на лавочке у входа, разглядывая тяжёлую дверь и уговаривая себя, что человек, который с пяти лет не боится чистого листа, как-нибудь переживёт и аудиторию с незнакомыми людьми. Не очень помогло.

Мне было девятнадцать. Я прожила в Мэйпл-Хилле всю жизнь. С пяти лет я рисовала — сначала в тетрадках на полях, потом уже осознанно. Мои рисунки не видел никто, кроме дедушки, а его уже не было. Я считала, что так надёжнее.

Аудитория 314 была на третьем этаже. Я села на предпоследнюю парту у окна — оттуда был виден клён во дворе. Рюкзак положила на соседний стул. Не потому что кого-то ждала. Просто так чужие не садятся.

Аудитория понемногу заполнялась. Люди переговаривались вполголоса. Я достала тетрадь и сделала вид, что страшно занята. Карандаш пошёл сам: на поле побежал человечек с огромным зонтом. Дедушкин зонт. Он закрывал не человечка, а крохотную собаку рядом.

Парень появился в дверях, когда свободных мест почти не осталось. Серая футболка, джинсы, вихор на макушке, который он явно пытался пригладить и не справился. Постоял, осмотрелся. Место у двери, возле радиатора. Место в первом ряду. И моё, у окна.

Он посмотрел на место. Потом на меня. Потом снова на место.

— Здесь занято? — спросил он.

Я подняла глаза. Честно: я секунду думала сказать «да». Но у него было лицо человека, которому всё равно, что услышит, и это почему-то сбило с толку. Я улыбнулась — коротко, уголком рта. Так я улыбаюсь, когда не хочу, чтобы заметили.

— Было занято, — сказала я, снимая рюкзак со стула. — Но человек так и не пришёл. Садись.

Человеком, разумеется, был рюкзак.

Он сел. Достал ручку, вспомнил про тетрадь, достал тетрадь, положил ручку — и замер с тетрадью в одной руке и пустотой в другой. Я смотрела в свой рисунок, чтобы не расхохотаться.

— Ты всегда такой организованный? — спросила я, не поднимая глаз.

— Только по понедельникам. Сегодня вторник.

— Сегодня среда.

Он замолчал. Я тихо рассмеялась — не над ним, скорее вместе, только он ещё не знал об этом.

— Дженна, — сказала я и протянула руку. Я никогда не знакомилась первой. Сама не поняла, зачем.

— Стив.

— Настоящий Стив? Или как у меня?

— А у тебя как?

— Настоящая Дженнифер. Но так называют только в налоговой и у стоматолога. Для всех остальных — Дженна.

— Стивен, — признался он. — Но мне тоже лучше Стив.

— Значит, мы оба самозванцы. Хорошее начало.

Вошёл наш наставник, мистер Харрис, невысокий, лысеющий, с голосом человека, который всю жизнь объясняет правила. «Университет — это не школа», — повторял он, и половина аудитории кивала с умным видом. Я не слушала. Я чувствовала, что сосед смотрит в мою тетрадь.

— Красиво, — шепнул он.

— Это ерунда, — ответила я и прикрыла рисунок ладонью.

Обычно после «красиво» люди теряют интерес и идут дальше. Это слово — как вежливо закрытая дверь.

— Нет, правда.

Он не отвёл глаз. Смотрел так, будто не получил ответа на вопрос, который ещё не задал. Я убрала ладонь.

— Это дедушкин зонт. Он так ходил. Всегда под зонтом стояла собака, даже когда дождя не было.

— Для чего?

— Для порядка.

Мистер Харрис громко произнёс «Миллер». Стив подскочил, уронил ручку и крикнул «здесь» так, что засмеялась вся аудитория. Я не смеялась. Мне казалось неправильным смеяться над человеком, который так искренне испугался. Я подняла ручку, положила перед ним и повторила:

— Организованный.

И увидела, как у него опустились плечи. Будто он наконец выдохнул.

* * *

После встречи все высыпали во двор. Я стояла на крыльце и смотрела, как он озирается — как человек, которому некуда деться. Мне следовало идти домой. Вместо этого я услышала собственный голос:

— Ты куда?

Он обернулся.

— Не знаю. Домой, наверное.

Волосы я распустила ещё в коридоре, и теперь они лезли в лицо.

— Здесь недалеко есть кофейня. Недорогая. Я пока ни с кем не знакома, и одной идти не хочется. Но если ты не хочешь…

— Хочу, — сказал он слишком быстро.

Я улыбнулась по-настоящему, широко, с неровным передним зубом, который всегда стеснялась показывать.

Кофейня оказалась крошечной, а пожилой бариста смотрел на нас так, будто мы пришли просить в долг. Я заказала какао — кофе не люблю с детства, он горчит. Стив тоже взял какао. Я видела, как секунду он смотрел на кофемашину, и поняла, что он выбирает не напиток, а меня. Не знаю, что в этом такого. Я запомнила.

Мы проговорили два часа. Я рассказала про отца на заводе, про маму-медсестру, про Томми, который в одиннадцать лет уверен, что знает всё лучше всех, и про бабушку Розу из соседнего дома, считающую, что я слишком много рисую и слишком мало ем.

Стив рассказал про маму. И про отца, который ушёл, когда ему было девять.

— Я обычно не говорю об этом в первый день.

Я не стала ахать. Знала по себе: охи закрывают человека быстрее любой двери.

— Спасибо, что сказал. Не буду считать секретом, но и никому не расскажу.

Он посмотрел странно. А я просто сказала правду.

— Почему информационные технологии? — спросила я. — Ты похож на человека, который играет на гитаре.

— Не умею.

— Знаю. Просто ты так смотришь по сторонам, будто всё время что-то слышишь.

Он рассмеялся — не потому что смешно, а потому что я попала в точку, о которой он сам не догадывался. Я видела это по лицу.

— Люблю разбираться, как всё устроено. Почему сломалось именно здесь, а не там. У каждой проблемы есть причина.

— А у людей?

— У людей, наверное, сложнее. Там причина часто спрятана так глубоко, что человек и сам не знает.

— Вот, — сказала я и ткнула в него ложкой. — Гитары в тебе нет, но слушать ты умеешь.

Он обжёгся какао. Я снова тихо засмеялась. Смех вышел неожиданно тёплым — будто чужой, будто это смеялась какая-то более уверенная девушка, с которой мне ещё предстояло познакомиться.

Когда мы вышли, начало темнеть. На перекрёстке нужно было расходиться.

— Увидимся завтра.

— Увидимся.

Я сделала несколько шагов, остановилась и обернулась. И сказала то, чего не собиралась:

— Стив. Место у окна. Оно теперь твоё. Не отдавай никому.

И пошла быстро, чтобы не видеть его лица. Квартал спустя поняла, что улыбаюсь витрине зоомагазина.

Дома бабушка Роза посмотрела на мою пустую тарелку и сказала:

— Съела всё. Подозрительно.

Глава 2

Проект на двоих

Через две недели я уже не помнила, каково это — приходить и выбирать, куда сесть. Место у окна стало его, соседнее — моё. Мы приходили почти одновременно, и я делала вид, что это случайность.

Группа притиралась. Рыжий Макс оказался самым громким и самым добрым. Тихая Лили знала наизусть расписание всех преподавателей, а ещё — что я никогда не прошу о помощи, и поэтому просто оказывалась рядом, когда помощь была нужна. Адам из первого ряда носил пиджак каждый день и всерьёз собирался стать директором до двадцати пяти. Над ним сначала смеялись, потом перестали.

В конце сентября миссис Дэвис объявила про совместный проект на семестр.

— Пары формируете сами. До пятницы.

Я репетировала это с утра перед зеркалом: небрежно, по-деловому, будто мне всё равно. Получилось иначе. Я наклонилась к тетради и сказала так тихо, что сама еле расслышала:

— Стив. Давай вместе.

Карандаш дрожал. Сжала сильнее.

— Давай.

— Только условие. Ты пишешь код, я рисую интерфейс. В коде я ноль, а ты, судя по всему, рисовать не умеешь.

— Умею палочки.

— Вот и не будем это афишировать.

Мы придумали приложение для памяти. Человек записывает маленькие воспоминания, а оно раз в день показывает одно случайное. Идея пришла мне первой, и я боялась, что она покажется глупой.

— Люди слишком быстро забывают хорошее.

— Ты как будто пятьдесят лет живёшь.

— Нет. Просто бабушка забывает всё чаще. Сначала очки, потом день недели. Я хочу, чтобы у меня так не вышло.

Он сказал единственное, что можно было сказать:

— У нас получится.

Фраза пустая. Я всё равно кивнула.

* * *

Работали мы в библиотеке. Огромный зал, запах старой бумаги, окна во двор, где клён сначала пожелтел, потом стал золотым. Я раскладывала карандаши целой армией. Стив строил скелет приложения и бормотал что-то на своём языке, где слова звучали как заклинания.

Через двадцать минут я вставала и подходила к окну. Стояла и смотрела на дерево.

— Ты не работаешь.

— Я думаю.

— О чём?

— Об этом приложении.

— Ты смотришь на дерево.

— Дерево помогает.

Однажды я за двадцать минут нарисовала главный экран. Тёплые цвета, мягкие углы, иконка в виде раскрытой ладони — ладони, которая не прячет, а отдаёт. Я сама не ожидала, что получится так, как видела внутри.

— Это то, что я думаю? — спросил он.

— Если думаешь «как же здорово» — да.

— Я думаю «как же здорово, и как мне теперь это написать».

Я засмеялась так, что библиотекарша зашикала. Стив тоже. И нас обоих чуть не выгнали.

Мы стали задерживаться до закрытия. Потом стояли на улице и говорили. О том, что делать после университета, о книгах, о том, почему автобусы ходят именно так, а не иначе. Я никогда так ни с кем не разговаривала.

Однажды он надолго замолчал над экраном.

— Ты задумчивый, — сказала я.

— Нет.

— Да. Пять минут смотришь в один кусок кода.

— Думаю.

— О чём?

— О том, как это всё устроено. Не кодом. Нами.

Слово упало в тишину — и я почувствовала, как у меня заливает уши. Стала собирать карандаши, роняя их.

— Давай на сегодня всё. Поздно.

На перекрёстке я остановилась. Если не скажу сейчас, не скажу никогда.

— То, что ты сказал. Про «нами». Я не знаю, что ты имел в виду, и пока не хочу спрашивать. Но мне понравилось, как ты это сказал.

И ушла, не оглядываясь. Дома бабушка Роза спросила, не заболела ли я. Я сказала, что нет. Она не поверила.

* * *

Проект мы сдали в конце октября. Высший балл. Мы вышли из аудитории, и я схватила Стива за руку так, что ему, наверное, стало больно.

— Мы сделали это.

За окном шёл первый дождь.

— Хочешь, покажу одно место? Моё. Только никому.

Туда я никого не водила. Даже Лили. Мы прошли через двор, по узкой дорожке между гаражами, и вышли к маленькой остановке с облупленной скамейкой. Рядом — заброшенный сквер. Дождь стучал по железной крыше.

— Здесь я сижу, когда нужно подумать. Дедушка приводил меня сюда, когда я была маленькой. Говорил, что автобус подождёт.

Стив сел рядом. Он ничего не спросил. Через некоторое время я положила голову ему на плечо.

— Тебе удобно? — спросил он шёпотом.

— Нет. Но я никуда не уйду.

Мы сидели, пока дождь не кончился. Слов не было. В тот момент они бы только всё испортили.

Глава 3

Одно целое

Первый раз мы поцеловались в ноябре, на той же остановке. Автобус всё не шёл.

— Мне кажется, он не придёт, — сказала я.

— Почему?

— Потому что понимает, что мы не хотим уезжать.

Щёки горели от холода, шапка съехала на бок. Стив смотрел на меня так, будто собирался сказать что-то важное и терял слова по дороге.

— Наверное, я должен что-то сказать.

— Наверное.

— Но ничего не придумал.

— Тогда и не говори.

Я поняла, что если ждать, пока он что-нибудь придумает, мы замёрзнем, и потянулась сама. Поцелуй вышел неловким: мы стукнулись носами, я фыркнула ему в щёку. А потом всё встало на место, и мир сузился до размеров скамейки.

Когда мы отстранились, подъехал автобус.

— Видишь. Теперь можно ехать.

Всю дорогу я держала его за рукав.

* * *

Дальше всё пошло быстро и легко. Нас стали называть «Стивенденна» — придумал Макс, и прилипло. Мы приходили вместе, уходили вместе. Преподаватели перестали удивляться.

Он начинал фразу — я заканчивала. Я думала о фильме — он уже открывал страницу. Однажды мы, не сговариваясь, пришли в одинаковых синих свитерах, и Макс упал со стула.

Я замечала, что со мной происходит что-то странное. Раньше я прикрывала рисунки ладонью. Теперь сама совала ему тетрадь и ждала, что он скажет. Стала смеяться громче. Приходила с распущенными волосами и не думала об этом.

— Ты понимаешь, — сказала я однажды, когда мы лежали на снегу в парке, — что я никому раньше не показывала рисунки? Даже маме. Даже Лили.

— Почему?

— Боялась, что скажут «красиво» и пойдут дальше. Мне нужно было, чтобы кто-то остановился.

— Я остановился.

— Ты остановился в первый же день. Ещё не знал, как меня зовут.

Мы смотрели на облака. Снег таял под курткой, и мне было всё равно.

* * *

В конце ноября университет объявил групповую экскурсию в Лас-Вегас. Три дня, официально — что-то про технологии и урбанистику. Неофициально — шанс увидеть огни и не торчать в Висконсине под снегом. Макс завопил, что едет. Лили записалась следом, потом Адам.

Стив посмотрел на меня.

— Хочешь?

— Хочу. Только нам обоим нет двадцати одного. Казино нам не светит.

— Ну и ладно. Будем смотреть, как другие проигрывают. И на фонтаны.

В самолёте я почти весь перелёт проспала у него на плече. Проснувшись, увидела, что он смотрит в иллюминатор и улыбается чему-то своему. Я не стала спрашивать. Просто закрыла глаза обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.